
Актуальные вопросы и комментарии

От экспериментов Милгрэма до полей сражений: к пониманию поведения комбатантов

ЖАН-ЖАК ФРЕЗАР*

Поведение комбатантов во время войны, особенно те его компоненты, которые связаны с соблюдением или нарушением элементарных норм права вооруженных конфликтов, давно занимает МККК. Обязательно ли насилие, присущее войне, рождает эксцессы? Является ли война криминогенной по своей сути? Можно ли считать неизбежными зверства, которые имеют место во время войны?

Эрик Давид в общих выводах книги «Принципы права вооруженных конфликтов» совершенно справедливо отмечает¹, что «выполнение права вооруженных конфликтов ставит проблемы, которые в конечном счете являются скорее психологическими и социологическими, чем юридическими». Опираясь на эти выводы, МККК провел исследование, цель которого определить, эффективны ли методы воздействия, используемые МККК для того, чтобы добиться более строгого соблюдения международного гуманитарного права, и, при необходимости, предложить новые подходы решения. Особое внимание в данной статье уделяется двум моментам, которые, в основном, и формируют поведение комбатантов. Это — послушание власти и отказ от собственных нравственных ценностей.

* По заданию Международного Комитета Красного Креста Жан-Жак Фрезар неоднократно выезжал в командировки в качестве делегата и главы Делегации МККК. Настоящее исследование было проведено им совместно с Даниэлем Муньосом-Рохасом, частично в сотрудничестве с Факультетом психологии и педагогических наук Женевского университета. Настоящая статья – отрывок из более пространного документа под названием «Истоки поведения людей на войне: обзор литературы», полный текст которого будет опубликован позднее. Точки зрения, выраженные в статье, отражают мнение автора и не обязательно совпадают с позицией МККК.

Подчинение власти

Чтобы понять особую динамику, определяющую поведение человека, находящегося в подчинении власти, которую он считает законной, стоит познакомиться с исследованиями и экспериментами социального психолога Стенли Милгрэма, которые проводились в США с 1960 по 1963 год, и результаты которых были обобщены в книге «Послушание власти»², изданной в 1974 году. Благодаря фильму Анри Вернея «И как Икар», главную роль в котором сыграл Ив Монтан, эксперименты Милгрэма получили во Франции широкую известность.

Эксперимент

Цель работы Милгрэма — понять поведение человека, получившего распоряжение власти предпринять те или иные действия против третьего лица. Экспериментатор привлек к участию в опытах ряд неосведомленных испытуемых (мужчин и женщин из разных слоев общества), которым было объявлено, что цель эксперимента — определить роль наказания при обучении и запоминании. Испытуемому предлагалось подвергать «ученика» электрошоку при неправильном ответе на вопрос. Мощность электрошока постепенно увеличивалась. Для испытуемого экспериментатор был научным авторитетом. Большинство испытуемых по приказу экспериментатора применяли электрошок максимальной силы (450 В). На определенной стадии «ученики» требовали остановить эксперимент, начинали кричать, а затем замолкали (создавая видимость потери сознания или даже смерти). Впоследствии Милгрэм предлагал различные варианты эксперимента: увеличивал или сокращал расстояние между субъектом и «жертвой»; ослаблял авторитет экспериментатора: распоряжения отдавались двумя экспериментаторами, не согласными

1 Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М., Международный Комитет Красного Креста, 2000. С. 658.

2 Stanley Milgram. *Soumission à l'autorité*. Calman-Lévy. Paris, 1974. Термину «повиновение власти» мы предпочитаем выражение «послушание власти», поскольку сам Милгрэм настаивает на том, что предметом его исследования является не вынужденное подчинение угнетенных под страхом наказания, а добровольное послушание тех, кому общество отдало определенную роль и чья мотивация состоит в том, чтобы доказать свою способность полностью справиться с этой ролью». На языке оригинала книга называется «Obedience to Authority».

друг с другом и тем самым ослаблялась ответственность испытуемого за применяемый им к «ученику» электрошок.

Основные выводы

Книга Милгрэма вызывает несомненно большой интерес. Выводы автора чрезвычайно важны для анализа послушания как социального явления. Чтобы мысли этого социального психолога были более доходчивы, мы воспользуемся широким цитированием самого автора. Начнем с его вывода о том, что:

«Обычные люди, не испытывающие никакой враждебности, могут, выполняя поставленную перед ними задачу, стать проводниками ужасного разрушительного процесса... Получив от носителя авторитета приказ действовать вразрез с нравственными нормами, лишь немногие находят в себе внутренние силы этому сопротивляться» (С. 22).

Милгрэм подчеркивает, что большинство испытуемых сознают, что не следует причинять боль незащитной жертве, они способны сформулировать свое понятие о ценностях, которых придерживаются. Однако их поведение в реальной ситуации под давлением обстоятельств часто имеет мало общего с провозглашаемыми ими ценностями и осознаваемым нравственным долгом.

Когда испытуемым задают вопрос о том, как следует себя вести с точки зрения морали, в тех случаях, когда применяют электрошок для стимулирования обучения и запоминания, все без исключения высказываются за неповиновение. Однако в реальности некоторые факторы оказывались сильнее личных воззрений на принципы морали и многие испытуемые «оказались неспособными воплотить в жизнь свое понимание морали и долга и продолжали участвовать в эксперименте, осуждая свое поведение.» (С. 23).

Поставив вопрос о том, почему субъект пребывает в состоянии послушания, Милгрэм выявляет различные участвующие в этом механизмы, основной из которых:

«исчезновение чувства личной ответственности, что является самым серьезным последствием послушания власти. Несмотря на то, что в данных обстоятельствах индивидуум совершает поступки, которые идут вразрез с велением его совести, было бы неправильно делать вывод об ис-

чезновении у него нравственных критериев: истина заключается в радикальном перенацеливании субъекта, который в данный момент не выносит оценочных суждений о своих действиях и озабочен исключительно тем, чтобы оказаться на высоте при исполнении требований власти» (С. 25).

Подчинение не подразумевает принуждение

Испытуемые в экспериментах Милгрэма — простые граждане, считающие, что принимают участие в научных опытах и могут прекратить свое участие в любой момент; они не настроены враждебно к «ученикам», которых им поручено наказывать. Исходя из этого мы можем применить некоторые выводы об интересующей нас категории лиц, то есть комбатантах: во многих случаях они оказались в армии не по своей воле и должны занять строго определенное место в иерархии, которая является для них данностью; они обязаны исполнять приказы и знают, что неподчинение повлечет более или менее суровое наказание и в данном случае их подчинение власти будет сильнее, чем в опытах Милгрэма, где экспериментатор не располагал средствами принуждения. Однако подчинение, подкрепленное принуждением, не означает, что субъект полностью лишается воли. Чтобы эффективно выполнять поставленные задачи, комбатант не должен становиться рабом командира. Исполняя свою роль и занимая свое место, комбатант не обязательно одобряет полученный приказ и разделяет заявленные групповые цели.

Дистанцирование и сегментация задач

Подчинению способствуют и другие факторы. Например, Милгрэм не изучал, каким было бы поведение испытуемого, если бы «ученика» перед началом эксперимента подвергали интенсивному очернению. Милгрэм выдвинул гипотезу, что субъекту было бы легче наказывать «ученика», представленного ему как извращенец или кровожадного чудовища. Психолог Милгрэм отмечает интересное явление: многие испытуемые активно очерняли «ученика», однако эта позиция выступала как *следствие* поведения испытуемых в отношении «ученика». У испытуемых, была потребность представить жертву в отрицательном свете, чтобы оправдать свое поведение (С. 27).

Во время войны или в период подготовки к войне политические власти, или носители нравственного авторитета, обычно проводят психологическую обработку, позволяющую создать дистанцию между воюющей стороной и неприятелем.

Причем, имеет значение не только психологическая дистанция между субъектом и его жертвой, создаваемая очернением последней, но и физическое расстояние между ними. Когда Милгрэм проводит эксперимент таким образом, чтобы испытуемый мог видеть «ученика», уровень послушания оказывался обратно пропорциональным степени присутствия жертвы (С. 54). Это не влекло отказа подчиняться, однако в сознании испытуемых происходила жестокая борьба: они не хотели причинять страдание жертве и не могли не подчиниться приказу.

Другой действенный способ добиться высокого уровня подчинения власти состоит в дроблении задач, когда, например, испытуемый является промежуточным звеном, то есть он не включает рубильник, а только принимает тест на обучаемость, а рубильником управляет другой участник. При таком способе подчинения власти 37 испытуемых из 40 применяли электрошок большей мощности. «Этот пример иллюстрирует опасную ситуацию, которая создается в любом обществе со сложной структурой: психологически легче отрицать личную ответственность, являясь промежуточным звеном в цепочке исполнителей деструктивного процесса, а конечный акт достаточно отдален, чтобы можно было его игнорировать». И Милгрэм добавляет: «Может быть, это самая характерная черта организации социального зла в нашем современном мире» (С. 28).

А что же женщины?

У многих возникает естественный вопрос: как в таких ситуациях реагируют женщины и сильно ли их поведение отличается от поведения мужчин. Ответим сразу: не отличалось. Милгрэм отмечает, что большинство тестов на подчинение выявили большую податливость женщин, чем мужчин. Принято считать, что женщины менее агрессивны, чем мужчины, более склонны к эмпатическим реакциям. В принципе, эти два фактора должны были действовать в противоположных направлениях. Однако, женщины продемонстрировали тот же уровень подчинения, что и мужчины, но, как правило, испытывали при этом внутренний конфликт большей интенсивности. Милгрэм указывает, что не изучал, каким будет

поведение субъектов, если в роли «ученика» будет женщина, но предполагает более высокий уровень неповиновения, поскольку нормы морали осуждают жестокое обращение с женщиной. Он считает, что эта гипотеза подтвердится в большей степени, если «учеником» будет ребенок.

Агрессивные устремления здесь не при чем

В одном из вариантов эксперимента Милгрэм заставлял испытуемых применять электрошок, мощность которого позволяла выбирать им самим. Результат оказался недвусмысленным: при возможности выбора, испытуемые, как правило, применяли самый слабый электрошок. Вывод Милгрэма: причина, побуждающая испытуемых применять самый сильный электрошок, не связана с агрессивными устремлениями, а кроется в трансформации поведения в результате подчинения приказу (С. 95). Для военного времени этот вывод, может быть, является менее категоричным. По нашему мнению, люди воюют не из-за врожденной склонности к агрессии, а потому что в ситуации конфликта ненависть к неприятелю культивируется, а еще усиливается и личным опытом, например, гибелью товарищей в бою. И тогда рождается не только агрессия, но и жестокость.

В том случае, когда «ученик» просил продолжить эксперимент (а, значит, продолжалось и применение электрошока испытуемым) в то время как экспериментатор принял решение о прекращении сеанса, испытуемый выбирал подчинение экспериментатору, т.е., по мнению испытуемых, право носителя авторитета принимать решения в отношении жертвы преобладает над правом жертвы распоряжаться собой (С. 120). То есть, решающим фактором является не сам приказ, а его источник. В случае конфликта авторитетов, например, если между несколькими присутствующими экспериментаторами возникали разногласия, действия испытуемого определялись решением лица, обладающего более высоким статусом.

Подчинение и конформизм

Чрезвычайно важно помнить о различии между повиновением и конформизмом как в отношении испытуемых в экспериментах Милгрэма, так и комбатантов. В обоих случаях человек отказывается от личной инициативы действий в пользу внешнего по отношению к себе источника, но существует и ряд важных различий.

Во-первых, повиновение власти происходит в рамках иерархической структуры, а конформизм определяет поведение лиц, обладающих равным статусом. Во-вторых, конформизм — это подражание, которое делает однородным поведение индивидуумов, в то время как повиновение — подчинение без подражания источнику влияния. Комбатант не подражает командиру, а воплощает в действие полученный от него приказ. «Наиболее ярко различие между повиновением и конформизмом проявляется, в том, как субъекты объясняют свое поведение после действия. Все отрицают конформизм и утверждают, что мотивом их поступков было повиновение. [...] В то время как конформистски настроенный испытуемый отрицает ущемление своей воли во время действия, послушный же субъект утверждает, что его воля в наказании жертвы никакого участия не принимала и он не несет никакой ответственности за свои действия» (С. 144, 145).

Индивидуум превращается в агента власти

Важнейшим элементом наблюдений Милгрэма является то, что он называет превращением индивидуума в агента. Войдя в систему власти, индивидуум начинает воспринимать себя не как инициатора действий, а как исполнителя чужой воли. Милгрэм подчеркивает, что не занимался вопросами повиновения подневольных, испытывающих принуждение. Такие люди будут выполнять приказы, пока принуждение будет оставаться достаточно сильным. Милгрэм рассматривает ситуацию, когда поведение человека обусловлено интериоризированными мотивировками, а не просто внешними причинами.

Итак, превратившийся в агента индивидуум приобретает особые характеристики. «В нем происходит своеобразная настройка, делающая его максимально восприимчивым ко всему, что исходит от власти. Страдания же «ученика» он едва замечает, поскольку они психологически от него отдалены (С. 180). В зависимости от контекста один и тот же поступок может восприниматься как отвратительный или как абсолютно законный. Люди склонны принимать определения деяний, исходящие от законной власти. Иными словами, субъект совершает действие, а определение значения действия принадлежит власти. [...] Именно это идеологическое «отречение» и составляет главное познавательное обоснование повиновения. Если мир вообще и реальная ситуация воспринимаются

субъектом такими, как их воспринимает власть, то некоторые виды поступков должны рассматриваться как законные. Поэтому не следует думать, что в отношениях «власть—субъект» начальник силой навязывает сопротивляющемуся подчиненному тот или иной образ действий. Субъект добровольно принимает определение ситуации, данное властью, и подчиняется требованиям этой власти» (С. 181, 182).

Превращение индивидуума в агента власти влечет серьезный сдвиг в восприятии субъектом своей ответственности: он принимает на себя обязательства перед властью, и не чувствует своей ответственности за содержание действий, предписанных ему властью. Нравственные критерии не исчезают, но меняется угол зрения: подчиненный испытывает чувство досады или гордости в зависимости от того, как он выполняет порученную ему работу.

Еще один вывод, дающий пищу для размышлений: «В подавляющем большинстве люди делают то, что им приказывают делать, не принимая в расчет природу предписываемого им действия и без каких бы то ни было угрызений совести, если, по их мнению, соответствующее предписание исходит от законной власти» (С. 233). В самом деле, пишет Милгрэм, «бывает так, что люди поддаются гневу, совершают отвратительные поступки и впадают в настоящую ярость, направленную против других людей. Ничего похожего не происходит в описываемом эксперименте, который выявляет нечто гораздо более опасное. Это — способность человека «обесчеловечиваться», неизбежность соответствующего поведения в результате отказа от своей индивидуальности и встраивания в одну из иерархических структур общества (С. 232). [...] Для неповиновения требуется не только мобилизация внутренних ресурсов, но и перенастройка, далеко выходящая за рамки сомнений в моральности поступков и почтительного выражения несогласия, необходима перенастройка в сфере действия. И тут не обойтись без значительных психических усилий» (С. 203).

Сила инерции

Наконец, последний и немаловажный момент: подкрепление определенных видов поведения цепочкой последовательных действий, идущих в одном и том же направлении. Милгрэм показывает, что каждое действие субъекта влияет на последующее. По мере того, как субъект

увеличивает мощность электрошока, ему становится все труднее остановиться, поскольку это поставило бы под вопрос все его предыдущие действия. Один из способов оправдать свое поведение как раз и состоит в том, чтобы продолжать действовать в том же направлении и идти до конца.

От лабораторных опытов к реальной жизни

Возвращаясь к интересующей нас теме, приведем еще одно высказывание Милгрэма:

«Хотя агрессивные устремления органически присущи человеческой природе, они не имеют практически ничего общего ни с поведением испытуемых в эксперименте, ни с повиновением солдат на войне, убивающих по приказу, или летчиков бомбардировщиков, за один вылет убивающих тысячи ни в чем не повинных людей, заливая напалмом, скажем, вьетнамскую деревню. Солдат убивает, потому что перед ним ставят такую задачу, а сам он считает своим долгом выполнять полученные приказы. Что касается поведения испытуемых, тот факт, что они подвергают «учеников» болезненным наказаниям, обусловлен не кровожадными инстинктами испытуемых, а их включенностью в социальную структуру, от которой они не могут освободиться (С. 206). [...] Если бы испытуемые были привлечены к участию в эксперименте *насильно*, может быть, они тоже подчинились бы авторитету, однако в этом случае действовали бы психологические механизмы в корне отличные от тех, которые мы наблюдали. Вообще говоря, общество всегда пытается, когда есть такая возможность, подключить людей к работе его институтов на добровольной основе. Так, в армии новобранцы принимают присягу, и добровольцы пользуются большим уважением, чем призывники. Когда человека насильно заставляют подчиниться власти, например, под дулом пистолета, он будет повиноваться, пока за ним следит человек с пистолетом. Как только тот уйдет и исчезнет опасность, носителем которой он является, повиновение немедленно прекратится. В случае добровольного послушания законной власти, неповиновение санкционируется самим субъектом, причем не под действием внешнего принуждения, а в зависимости от обязательств, которые, по мнению субъекта, он на себя принял. В этом смысле *послушание соответствует интериоризированной мотивации, а не простому принуждению извне*» (С. 176).

Следует также упомянуть об опытах, аналогичных экспериментам Милгрэма, которые в разное время ставились впоследствии как в США, так и в других странах. Результаты варьировали лишь в небольшой степени, что позволяет сделать вывод об универсальности соответствующих характеристик «человеческой природы» или, по крайней мере, о том, что различные общества почти одинаково социализируют своих членов в части отношения к власти.

От опытов Милгрэма на поля сражений

Сказанное выше позволяет сделать ряд наблюдений.

1. По ряду параметров комбатант (а именно он нас интересует) отличается от неосведомленного субъекта в экспериментах Милгрэма. Будь он призывником или добровольцем, войдя в военную структуру, он в значительной степени лишается свободы выбора (например, возможности уйти из армии). Власть, поставленная над ним, носит более выраженный принудительный характер и имеет целый арсенал дисциплинарных мер для наказания за неповиновение, чего лишен экспериментатор. «Жертвой» комбатанта является не более или менее нерадивый «ученик», а лицо или группа лиц, которые обозначены для него как неприятель и которых он сам нередко воспринимает как своих личных врагов. Кроме того, в отличие от изолированного испытуемого, который находится между экспериментатором и «учеником», военнослужащий включен в группу комбатантов, оказывающую на него определяющее влияние. Наконец, вооруженный человек не участвует в эксперименте, а воюет. Иными словами, комбатант включен в деятельность, которую он осознает как очень важную, в частности, потому, что она может стоить ему жизни.
2. Факторы, воздействующие на тех, кто служит в той или иной силовой структуре, включают в себя значительно большую дозу принуждения, чем та, которой испытуемый подвергается в эксперименте. Военная власть оказывает на субъекта более жесткое давление и оставляет меньше места для неповиновения, а присущее системе принуждение носит более строгий характер. В то же время мотивации комбатанта сильнее, потому что «наказание» неприятеля легитимизируется и ощущается, а ответственность за насилие, которому подвергается неприятель, возлагается на него самого. Кроме того, неприятель являет-

ся источником опасности для комбатанта, и в этом его отличие от «ученика» по отношению к испытываемому, применяющему электрошок. Наконец, если все идет нормально, группа еще больше усиливает мотивации комбатанта и увеличивает значимость указанных факторов.

3. Как мы знаем, идеологическая обработка комбатантов — один из ключевых факторов действительности современных армий. Во имя дисциплины и повиновения индивидуальность военнослужащих частично стирается, им стараются привить автоматические навыки. При этом их не пытаются превратить в роботов, полностью лишенных собственного сознания и способности действовать инициативно, иначе сражались бы они неважно. Но можно с уверенностью утверждать, что уровень повиновения комбатанта власти выше, чем гражданина, согласившегося участвовать в научных экспериментах. Если это так, то логично будет предположить, что, поставленный перед необходимостью нравственного выбора, комбатант будет еще менее склонен к неповиновению, чем простой гражданин в отношениях с властью. Но это означает прежде всего, что такой индивидуум будет менее подвержен влияниям со стороны, которые не вписываются в поддерживаемые им со своей иерархией отношения власти и слегка окрашенную в тона конформизма солидарность внутри первичной группы, к которой он принадлежит.
4. Небезынтересно отметить, что Милгрэм предполагал проанализировать и прогнозы собственного поведения опрашиваемых. То есть вопрос «Как бы вы поступили?» задавался разным людям, которым рассказывали об эксперименте, но не сообщали его результаты, и они говорили, что бы стали делать, попав в экспериментальную ситуацию. И вовсе не удивителен разрыв между тем, что люди говорят о том, как они повели бы себя в предложенной ситуации, и реальным поведением тех, кто в ней оказывается. Есть определенная связь между этим разрывом и тем, который был выявлен проводившемся масштабным

исследованием под названием «Голоса войны»³. Декларируемая приверженность к тем или иным ценностям — это одно, а их реальное соблюдение в жизни — совсем другое.

Милгрэм, естественно, учитывал, что лица опрошенные относительно позиции, которую они займут, склонны к завышенной самооценке, а, значит, и своей способности к неповиновению. Им был предложен вопрос, как, по их мнению, поведут себя другие люди, поставленные в экспериментальную ситуацию. Ответы высветили тот же разрыв. Отвечая на вопрос о том, что будут делать люди, которым приказано причинять страдания третьему лицу, опрашиваемые утверждали, что практически все очень быстро прекратят применять электрошок. Милгрэм заключает, что «поведение этих людей обусловлено эмпатией, состраданием, чувством справедливости. Они определяют желаемое поведение и уверены, что соответствующие действия последуют автоматически, проявляя таким образом полную неосведомленность о сложной системе факторов, действующих в реальной социальной ситуации» (С. 48).

5. Было бы интересно узнать, как реагировали бы испытуемые, если бы на информационное совещание перед экспериментом к ним пришел представитель МККК и, с согласия научных руководителей опытов, кратко рассказал участникам о некоторых основных принципах международного гуманитарного права и права прав человека. Поскольку этого сделано не было, то возможны лишь предположения. Учитывая, что МККК в некотором смысле является носителем морального авторитета, можно провести параллель с одним из вариантов опыта Милгрэма, в котором имел место конфликт конкурирующих авторитетов, что вынуждало испытуемых сделать выбор. Когда эти авторитеты воспринимаются как одноуровневые и дают противоречащие друг другу инструкции (один дает — неблагоприятные для

³ В ознаменование 50-й годовщины принятия Женевских конвенций Международный Комитет Красного Креста (МККК) в 1999 г. осуществил масштабное исследование в 17 странах, 12 из которых находились в состоянии войны. Примерно 20 тысячам гражданских лиц и комбатантов было предложено высказать свое мнение о нормах, которые надлежит соблюдать во время вооруженного конфликта, и причинах, по которым они нарушаются. Опрос был проведен фирмой Geenberg Research Inc. Результаты были опубликованы МККК и помещены на сайте <http://www.icrc.org>.

«ученика» инструкции, а другой – благоприятные), действия субъекта оказываются парализованными, и он пользуется этими противоречиями, чтобы быстро прекратить применение электрошока. Напомним, что дело обстоит именно так, поскольку оба авторитета воспринимаются испытуемым как одноуровневые. В действительности же, субъект старается определить, какой авторитет выше, и подчиняться будет тому из них, кто, по его мнению, имеет больший статус. Для того, кто служит в силовой структуре, более высоким статусом будут обладать начальники и командиры, а не представители сторонней по отношению к вооруженным силам организации.

6. Интересно, что бы произошло, если бы испытуемые получили инструкцию награждать «ученика» за правильный ответ, а не наказывать его электрошоком за неправильный? Мы не можем этого знать, поскольку такой эксперимент не проводился. Тем не менее, можно предположить, что субъект систематически использовал бы максимальное поощрение ко всеобщему удовлетворению. Соблазнительно было бы распространить такой вывод на интересующие нас ситуации и заявить, что комбатанту легче выполнить приказ, соответствующий международному гуманитарному праву (МГП), чем приказ, который ему противоречит. Однако следует принимать в расчет то, что отличает реальную ситуацию вооруженного конфликта от лабораторного эксперимента, ибо чувства, испытываемые комбатантом по отношению к неприятелю и восприятие им последнего, как правило, далеки от благожелательного нейтралитета. Иными словами, неизвестно, как повел бы себя субъект, если бы он сначала увидел, что «ученик» подвергается электрошоку третье лицо или если бы «ученик» применял бы электрошок к самому испытуемому или его близким... Несомненно, субъект повиновался бы власти с большим рвением и меньшими угрызениями совести. Может быть, он даже испытал бы некоторое удовлетворение, наказывая «ученика», который до этого вел себя враждебно по отношению к нему или предпринимал осуждаемые им действия.
7. Если субъект, который легко подчиняется власти, которую считает законной, и соглашается подвергаться жестоким наказаниям человека, к которому он не испытывает никакой враждебности, можно предположить, что с еще большей легкостью он подчинится этой власти, ес-

ли она прикажет сражаться против лиц, которых она определяет как его врагов. И в случае, наиболее приближенном к реалиям войны, власти даже не потребуется издавать какие-то специальные открыто жестокие приказы, а достаточно будет намекнуть, что требуется от комбатанта. «Сами поймите, чего мы от вас ждем и в каких рамках позволяем вам действовать!» Вряд ли удастся выявить приказы, непосредственно предписывающие нарушать нормы МГП, да они были бы просто излишними. Криминогенный характер войны, легитимность акта убийства, ненависть и жажда мести, которые часто сопутствуют войне, — эти факторы в совокупности делают нарушение права относительно легким. Это позволяет сделать предварительный вывод о роли власти в период вооруженного конфликта: если признать, что война способствует нарушениям МГП, невозможно вообразить такую власть, которая не приказывала бы его нарушать. Мы же ожидаем от власти недвусмысленного приказа не нарушать МГП.

8. Злоупотребления, совершаемые военнослужащими, нельзя в большинстве случаев отнести за счет исчезновения нравственных критериев. Нужно просто понять, что природа индивидуума, превращенного в «агента», стала совсем иной. Обращения к его совести, нравственному долгу будут иметь почти нулевую эффективность, поскольку его моральные ценности здесь ни при чем. Его поведение будет зависеть от того, что ему диктует власть, воспринимаемая им как законная. Допустить это непросто, потому что наше наивное восприятие мотивов человеческого поведения в большой степени основывается на идее, согласно которой люди обладают свободой воли, а их поступки продиктованы прежде всего этическими принципами. Как указывает Милгрэм, «почти 100-процентный уровень ошибок в прогнозировании объясняется сложностью учета последствий перехода субъекта в состояние агента и учета сил, которые его в этом состоянии удерживают. Прогнозирующие неповиновение субъекта исходят из того, что в экспериментальной ситуации он полностью сохраняет способность действовать в соответствии со своими нравственными критериями. Они игнорируют тот факт, что вхождение в структуру власти коренным образом реорганизовало его умонастроение» (С. 190).
9. Немаловажно констатировать силу инерции, когда проще повторить сомнительные действия, потому что каждое из них служит обоснова-

нием для следующего. Иначе говоря, прекратить сомнительные действия может оказаться непросто, потому что это поставило бы под вопрос все, что делалось до этого. В контексте, который нас непосредственно интересует, это означает, что трудно нарушить МПП в первый раз, а дальше становится проще. И комбатант, совершивший жестокие поступки, замкнется в системе обоснований, где все будущие действия будут оправдываться прошлыми. Спешить делать окончательные выводы не стоит, но все же есть основания полагать, что «нулевая терпимость» в отношении нарушений МПП должна стать абсолютным правилом.

10. Если и есть институт, который не преминул проанализировать эксперименты Милгрэма, то это — Вооруженные силы США. В Высшем военном училище сухопутных войск США (Уэст-Пойнт) уже в течение нескольких десятилетий читаются курсы на эти темы. Вот высказывание заведующего кафедрой поведенческих наук этого училища, сделанное в 1985 г.: «Наши будущие военные руководители должны будут четко осознавать не только свой авторитет, но и свою ответственность за принятие решений и с полным знанием дела обеспечить моральную безукоризненность этих решений».

После Милгрэма

Поведение комбатантов (или других людей в аналогичных обстоятельствах) не может быть объяснено исключительно описанными выше параметрами. Для того, чтобы были совершены некоторые злодеяния, должны быть параллельно задействованы и другие механизмы. Краткий обзор этих механизмов предварим примером исторического исследования, которое подтвердило большинство выводов Милгрэма.

Обычные люди

Книга Кристофера Браунинга о немецком 101-м резервном полицейском батальоне⁴ дополняет выводы Милгрэма. В данном случае речь идет не о лабораторном эксперименте, а о реальном поведении личного состава одного подразделения германской полиции в Польше с лета

⁴ Christopher Browning, *Des hommes ordinaires*. Les Belles Lettres. Paris, 1994.

1942 г. по осень 1943 г. при решении еврейского вопроса. Эти люди — примерно 500 человек — несут прямую или косвенную ответственность за гибель 83 тысяч евреев и нескольких сот поляков из числа гражданских лиц. Книга написана на основе документов того времени и 125 интервью с оставшимися в живых бывшими полицейскими этого батальона.

В лучшем случае лишь 15% личного состава 101-го резервного полицейского батальона не участвовали вовсе или были вовлечены в небольшой степени в совершавшиеся преступления. Отметим, что большинству этих резервистов не пришлось участвовать в боях, бывать под обстрелом или видеть смерть своих товарищей. Так что их поведение не может быть отнесено на счет действия факторов, обычно связываемых с войной. Автор подчеркивает, что в случае невыполнения приказов им не грозило возмездие. Ни обвиняемым, ни их адвокатам так и не удалось привести хотя бы один случай, когда отказ убивать безоружных гражданских лиц повлек за собой жестокое наказание, обычно назначаемое за неповиновение.

Браунинг подчеркивает, что в превращении полицейских из 101-го батальона в массовых убийц не было никакой предопределенности. Это были гамбургцы среднего возраста, в основном, выходцы из рабочей среды, простые полицейские, при отборе которых не использовались какие-либо особые критерии (С. 215).

Автор ссылается на Милгрэма, описательная модель которого кажется ему разумной. Он подробно останавливается на двух факторах, которые были лишь вскользь затронуты Милгрэмом: идеологическая обработка и конформизм. Мы уже рассматривали вопросы групповой динамики и порождаемого ею конформизма. Милгрэм говорит об «определении ситуации», то есть об идеологии, приносящей значение в общественные явления и организующей их. Если люди одобряют идеологию власти, то за одобрением следуют действия, причем добровольные. И Браунинг заключает: «В опытах Милгрэма оправдание путем ссылки на высшие идеологические интересы присутствует в виде невысказанной и не подвергаемой сомнению вере в то, что по своей сути наука добродетельна и способствует прогрессу человечества. При этом никакие попытки очернить действующую в эксперименте «жертву» или привить субъекту какую-либо конкретную идеологию не предпринимались. Вот

гипотеза Милгрэма: самое деструктивное поведение нацистов под более или менее строгим контролем было следствием интериоризации авторитета, осуществленной в результате длительной идеологической обработки, не воспроизводимой в лабораторных условиях» (С. 232).

Мы не имеем возможности в рамках настоящей статьи подробно изложить размышления Браунинга. Вот строки, которыми он заключает свою книгу: «Поведение отдельно взятого человека, несомненно, представляет собой невероятно сложное явление, и попытка историка его объяснить является достаточно дерзкой. А когда людей около 500, общее толкование их коллективного поведения представляется еще более сомнительным предприятием. Какой вывод можно из этого сделать? Прежде всего, после изучения истории 101-го батальона остается неприятный осадок. Это — история обычных людей, но не всех людей. У резервистов была возможность выбора, и большинство из них совершили ужасные преступления. Но разве можно оправдать убийц, сославшись на то, что кто угодно на их месте поступил бы так же? Ведь и среди них нашлись те, кто отказался убивать или прекратил убивать. В конечном счете, человеческая ответственность принадлежит к области индивидуального».

«В то же время коллективное поведение 101-го резервного батальона позволяет сделать ряд внушающих тревогу выводов. Существует не одно общество, которое находится в плену расистских традиций и не желает освободиться от менталитета осажденной крепости, порождаемого войной или угрозой войны. Любое общество приучает своих членов уважать власть и подчиняться ей, да и как бы иначе оно функционировало? Везде люди стремятся сделать карьеру. В любом современном обществе сложная организация и вытекающие из нее бюрократизация и специализация размывают чувство личной ответственности тех, кому поручено воплощение в жизнь правительственной политики. В любом коллективе чрезвычайно сильное давление на поведение индивидуума оказывается группой его членов, обладающих тем же статусом, что и он сам, которые навязывают ему этические нормы. И если полицейские из 101-го резервного батальона смогли стать убийцами, какая группа людей окажется на это не способной?»

Перевернутая мораль

Многие исследователи, особенно американские, в последние годы интенсивно изучают то, что они называют злом (*Evil*). Они рассматривают геноцид как наивысшее проявление зла и часто обращаются к теме Холокоста. При этом их мысль совершает своего рода возвратно-поступательное движение и заставляет их, иногда довольно странным образом, переносить внимание с одного явления на другое, причем, речь идет о таких трудно сопоставимых явлениях, как массовые убийства и насилие на окраинах городов США. Можно спорить о правомерности включения в научные исследования такой категории, как зло, но нас интересуют размышления этих авторов в плане того, что нового они привносят в изучение нашего предмета.

Например, преподаватель кафедры психологии Массачусетского университета Эрвин Стауб⁵ изучает эволюцию насилия и показывает, что она затрагивает не только индивидуумов, но также группы и институты. «Как правило, масштабные проявления насилия и, несомненно, групповое насилие, эволюционируют с течением времени. Индивидуумы и группы меняются в результате своих собственных действий. Если их ничто не ограничивает, то действия, наносящие ущерб другим людям, вызывают изменения в тех, кто их совершает, у других членов группы и во всей системе. В результате возрастает вероятность совершения других, еще более вредоносных действий. В ходе этой эволюции личность индивидуумов, социальные нормы, институты и культура изменяются различным образом, что облегчает совершение действий с еще более выраженным насильственным характером и делает их более вероятными»⁶.

Стауб показывает, как постепенно меняются поведенческие нормы группы, а вместе с тем и поведение по отношению к жертве. То, что было немислимым, становится приемлемым, а затем и нормальным. Для обслуживания насилия реорганизуются существующие институты и создаются новые. Далее может настать черед «перевернутой нравственности», провозглашающей убийство жертв справедливым и моральным. Об-

⁵ Ervin Staub, *The Roots of Evil*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

⁶ Ervin Staub, «The Roots of Evil: Personality, social conditions, culture and basic human needs», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, № 3, 1999, pp. 179–192.

щества, для которых характерно сильное уважение власти, по-видимому, легче склонить к массовым расправам и геноциду. Филипп Гуревич⁷, подробно исследовавший геноцид в Руанде в 1994 г., не устает подчеркивать, что руандийское население отличалось очень высоким уровнем послушания властям. Стауб пишет также, что у людей, творящих бесчинства, постепенно вырабатывается безразличие к боли, которую они причиняют жертвам, и они иногда даже начинают получать удовольствие от мучительства.

Моральное самоустранение

Более прямое отношение к интересующей нас теме имеют работы Альберта Бандуры, преподавателя кафедры психологии Станфордского университета. Он много сделал для изучения и осмысления явления, которое он называет моральным самоустранением при совершении бесчеловечных поступков. Вслед за Милгрэмом он показывает, как нравственное чувство индивидуума может быть ингибирующим (и проявляться в способности воздерживаться от бесчеловечных поступков) или проактивным (выражаться в способности поступать гуманно). По мнению Бандуры⁸, человек может включать или выключать механизмы саморегуляции, управляющие моральным поведением. Поведение ребенка в значительной мере диктуется внешними стимулами и санкцией общества. На последующих этапах жизни индивидуум принимает моральные стандарты и избегает совершать нарушающие эти стандарты поступки, чтобы не предаваться самообличению и не испытывать чувства вины. Для того, чтобы эти механизмы действовали, их нужно активировать, но есть способы избежать их включения. Предосудительные поступки можно совершать, прибегая к моральным оправданиям и эвфемизмам. Так, разъясняет Бандура, одно и то же насильственное действие для разных лиц может означать разные вещи. То, что одна группа рассматривает как террористические акты, другая группа может воспринимать как героическую борьбу освободительного движения. Именно по этой причине, по

7 Philip Gourevitch. Nous avons le plaisir de vous informer que, demain, nous serons tués avec nos familles, Gallimard. Paris, 2002.

8 Albert Bandura. «Moral disengagement in the perpetration of inhumanities», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, N° 3, 1999, p. 193–209.

мнению автора, апеллирующие к морали призывы положить конец насилию обычно не вызывают никакого отклика. При этом и индивидуум, и группа могут минимизировать или игнорировать последствия своих действий или, как было подробно показано в настоящей статье, обезчеловечивать жертв, то есть выводить их за рамки рода человеческого, и возлагать на них ответственность за их судьбу.

Бандура показывает также, чем реальная жизнь отличается от экспериментальной ситуации, созданной Милгрэмом. В опытах последнего носитель авторитета (в данном случае научного) полностью берет на себя ответственность и неустанно повторяет испытуемому, что тот не будет нести ответственности за совершенные им действия. В обществе, в том числе и во время войны, власти редко столь открыто берут на себя ответственность — хотя бы потому, что в случае неблагоприятного исхода хотят сохранить возможность отвести от себя обвинения. Высшие эшелоны иерархии часто осуществляют свою власть, неявным образом соглашаясь с тем, чтобы были предприняты те или иные действия, позволяя их совершать. Аналогично, следствием решений, принимаемых группой коллегиально, может быть совершение преступления, причем, ни один из ее членов не будет чувствовать ответственности за содеянное, которое будет приписано другим. Именно поэтому расстрельная команда обычно состоит из нескольких людей, и часто оружие одного из них заряжено холостым патроном. Каждый вправе думать, что холостой патрон был именно у него, а убили другие. Бандура уверен в том, что люди могут действовать более жестоко, если ответственность берет на себя группа, а человек, которому придется нести всю полноту личной ответственности, проявит меньшую жестокость.

Такое моральное самоустранение, подробно исследованное социальной психологией, происходит постепенно. Соответствующее поведение, — подчеркивает Бандура, — выступает как результат сложной динамики личных склонностей и общественных структур, а злонамеренные действия неизменно являются продуктом взаимодействия влияния отдельных личностей, общества и среды. Общество, — пишет Бандура в заключение, — не может полностью рассчитывать на индивидуума в плане преодоления жестокости. Ему необходимо ввести эффективные общественные гарантии, в частности, сделав невозможным для высших эшелонов власти уклонение от лежащей на них ответственности.

Действия в восприятии жертв и тех, кто их совершает

Рой Баумейстер⁹, преподаватель кафедры психологии университета Кейс Вестерн Резерв, считает, что между восприятием одного и того же действия его жертвами и теми, кто его совершили, может существовать значительный разрыв. При этом для понимания психологии вторых может быть полезно дистанцироваться от видения жертв. Например, в восприятии жертв есть четкие моральные демаркационные линии, в то время как в нравственных оценках тех, кто совершает соответствующие действия, присутствуют обширные серые зоны. Рой Баумейстер особый интерес проявляет к тем, кто получает удовольствие от причинения страданий и иногда совершают отвратительные поступки просто от скуки. Хотя, по нашему мнению, действия, продиктованные такими склонностями, не играют значительной роли в вооруженных конфликтах, все же не стоит закрывать глаза на их существование. В некоторых гражданских войнах они могут быть распространены больше, чем мы думаем.

Легитимация и делегитимация

Наш обзор был бы неполным без упоминания о работе профессора Герберта Келмана¹⁰ о процессах легитимации и делегитимации. В начале Келман устанавливает различие (важное для цели нашего исследования) между обычным влиянием и влиянием в отношениях власти. Обычное влияние связано с предпочтением: люди принимают влияние, если по одной значимой для них причине или сразу несколькими решат, что поведение, рекомендуемое агентом влияния, соответствует их собственным интересам. Наоборот, влияние в отношениях власти — из области обязанностей: люди принимают влияние в той степени, в какой, по их мнению, агент влияния вправе обращаться к ним с просьбами или требованиями, а сами они обязаны подчиняться им. Способность этой власти оказывать влияние зависит от ее легитимности в глазах тех, на кого данное влияние должно быть оказано.

⁹ Roy F. Baumeister, «The intrinsic appeal of evil: sadism, sensational thrills, and threatened egoism», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, № 3, 1999, pp. 210–221.

¹⁰ Herbert Kelman, «Reflections on social and psychological processes of legitimation and delegitimation», in John T. Jost and Brenda Major (eds), *Psychology of Legitimacy*, Cambridge University Press, Cambridge, 2001.

Легитимность — производная от основы нравственных взаимодействий внутри общества. В рамках их взаимодействий одна из сторон обращается с требованием к другой, которая может это требование выполнить или отклонить. Вопрос о легитимности встает при этом либо в отношении содержания требования, либо в отношении лица или группы, от которых исходит данное требование. Большая заслуга Келмана в том, что ему удалось показать, что значительная часть обществоведческих работ и моделей исходят из интересов и предпочтений акторов, а не из основ моральных взаимоотношений. «Понятие легитимности напоминает нам о том, что целые области социального поведения и общественных структур определяются не интересами и предпочтениями, а правами и обязанностями».

В некоторых случаях действия, предписываемые властью, могут противоречить интересам и предпочтениям лиц, которым предлагается принять соответствующий вид поведения. Эти люди могут даже счесть действия, которые им предлагается совершить, отталкивающими с нравственной точки зрения. И все же они подчиняются, потому что была активирована обязанность. В других ситуациях требования власти могут быть восприняты очень положительно.

Келман показывает важность процессов легитимации и делегитимации в совершении зверств. Легитимация определяется им как процесс рекатегоризации действия, политики или требования, но также системы, группы или лица, в результате которого то, что было незаконным, становится законным, а факультативное превращается в обязательное. Делегитимация — обратный процесс, когда индивидуум или группа теряет легитимность, легитимным становится насилие в отношении этого лица или группы. Келман выделяет три социальных процесса, облегчающие участие индивидуумов в совершении предосудительных действий. О них уже шла речь в настоящей статье. Это — авторизация, рутинное повторение и обезчеловечивание.

«Я говорю об авторизации, когда действие было осуществлено явно выраженному приказу, либо неявным образом поощрялось, либо молчаливо одобрялось законной властью. Авторизация легитимирует действия, которые в нормальных обстоятельствах были бы отнесены к категории предосудительных с нравственной точки зрения. Рутинное повторение, дробящее действие на цепочку рутинных, механических и в

большой степени запрограммированных операций как на индивидуальном, так и на организационном уровне, сокращает число возможностей для постановки нравственных вопросов и подкрепляет точку зрения, согласно которой ведущаяся деятельность нормальна и оправдана, а осуществляемое предприятие легитимно. Обесчеловечивание делегитимирует тех, против кого направлены действия, и исключает их из морального сообщества актора. Таким образом, убивать или пытаться их становится морально приемлемым и даже желательным в глазах тех, кто этим занимается, и тех, кто, как предполагается, должны их поддерживать. Совместное действие процессов авторизации, рутинного повторения и обесчеловечивания подавляет и ослабляет нравственные ограничения, которые в нормальных обстоятельствах стали бы препятствием для того, кто таким образом нарушает основные права других людей.»

Предварительные выводы

Процесс морального самоустранения комбатанта, основанный на системах оправданий, которые мы рассмотрели в предыдущих разделах, происходит в среде, где повиновение и групповой конформизм работают на динамику сложения указанных факторов. Попытки противопоставить этим силам стратегии, основанные на убеждении и аргументах морального характера, в большинстве случаев обречены на неудачу.

Командование, приказы и санкции

Среди многочисленных влияний, испытываемых комбатантом в момент перехода к действию, определяющую роль играют те, которые связаны с обстоятельствами, полученными приказами и взаимодействиями в первичной группе. Именно эти влияния побуждают обычного человека с нормальным этическим багажом и минимальным знанием норм права, применяемого в период вооруженных конфликтов, совершать иногда самые страшные зверства. Для такой организации, как МККК, приоритет состоит не в том, чтобы убедить комбатанта вести себя по-другому и добиться того, чтобы он всем сердцем принял нормы МГП, а в том, чтобы влиять на носителей авторитета, начиная с тех, по чьей инициативе совершаются различные противоправные действия.

Для обеспечения соблюдения норм МГП комбатантами должны быть созданы конкретные механизмы и условия, при которых возможно

реальное уважение этих норм. Иными словами, при малейшей возможности следует способствовать (в том числе и в ходе контактов с негосударственными вооруженными формированиями) при максимальной поддержке заинтересованных лиц принятию комплексного подхода, обеспечивающего не только включение МГП в военную доктрину, преподаваемую офицерам и рядовым, тактические занятия и подготовку войск, но, в первую очередь, присутствие норм МГП во всех приказах на всех уровнях командования и наличие у комбатантов реальных возможностей действовать в соответствии с МГП.

Невыполнение приказа должно влечь за собой наказание. Учитывая механизмы, определяющие поведение комбатанта, наказание имеет ключевое значение (оно может быть дисциплинарным, уголовным, общественным, моральным и т.д.). МККК следовало бы выступать в поддержку дисциплинарных и уголовных наказаний ввиду их примерного характера и роли в предупреждении нарушений. Важно, чтобы компетентные власти реагировали не только на военные преступления, но и на нарушения меньшей тяжести, как в целях обеспечения дисциплины в своих войсках, так и для предотвращения негативной динамики, при которой нарушения могут становиться все более тяжкими и все более приемлемыми в глазах тех, кто их совершает.

Борьба за соблюдение МГП – задача одновременно юридическая и политическая

Из моральной плоскости соблюдение МГП следует перевести в плоскость юридическую и политическую. Постулат моральной независимости комбатанта неадекватен. Речь идет не об отрицании того, что индивидуумы могут строить свое поведение на основе требований совести, но, как мы уже неоднократно подчеркивали, в некоторых обстоятельствах действия обычных людей могут определяться иными параметрами.

Пытаться насаждать терпимость и благожелательное отношение к жертвам в лучшем случае неэффективно, а в худшем вынуждает разбираться с тем, что такое хорошо и что такое плохо, и побуждает рекомен-

довать обращение к моральным критериям, легче поддающимся релятивизации, чем нормы права. Рассмотренные выше системы оправданий могут притупить чувство вины за совершение бесчеловечных действий и придать определенную эластичность моральным ценностям путем легитимации этих действий. Однако они не могут сделать соответствующее поведение законным. Проще говоря, всегда есть возможность утверждать, что нарушение МГП необходимо, неизбежно и даже правомерно, но невозможно доказать, что оно законно. Норма проводит более четкую красную черту, а ценности образуют более широкий и зыбкий спектр и носят более относительный характер.